

pocketbook

АРТУРО
ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ

*Осада,
или Шахматы со смертью*

Артуро Перес-Реверте

Осада, или Шахматы со смертью

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6717570

Перес-Реверте А. Осада, или Шахматы со смертью : Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-59126-8

Аннотация

Впервые в серии – новейший роман самого знаменитого писателя современной Испании!

«Технически это мой самый сложный роман, с самой разветвленной структурой, – говорит Реверте. – Результат двухлетней работы. Я словно вернулся к моим старым романам двадцать лет спустя. Здесь есть и политическая интрига со шпионажем, и расследование, и любовная линия, и морские сражения, и приключения». Это книга со множеством неожиданных поворотов сюжета, здесь есть главная тайна, заговор, который может изменить ход истории; здесь красавица хозяйка торговой империи пытается вызволить захваченный корабль с ценным грузом и разобраться в своих чувствах к лихому капитану с каперским патентом, а безжалостный офицер полиции – найти вооруженного железным бичом неуловимого убийцу юных девушек и выиграть партию в шахматы у самой смерти.

Содержание

1	6
2	28
3	48
4	74
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Артуро Перес-Реверте

Осада, или Шахматы со смертью

И тем, кто тщится проникнуть разумом тайны природы, весьма важно знать, притяжением ли или отталкиванием движимые, взаимодействуют друг с другом небесные тела; влекутся ли они друг к другу, побуждаемые к сему внешней силой, заключенной в какой-нибудь невидимой и тонкой материи, или же обладают некой собственной, таинственной и скрытой способностью.

Леонард Эйлер. «Письма к немецкой принцессе», 1772

Может по воле богов случиться все в этом мире.
Софокл. «Аянт»

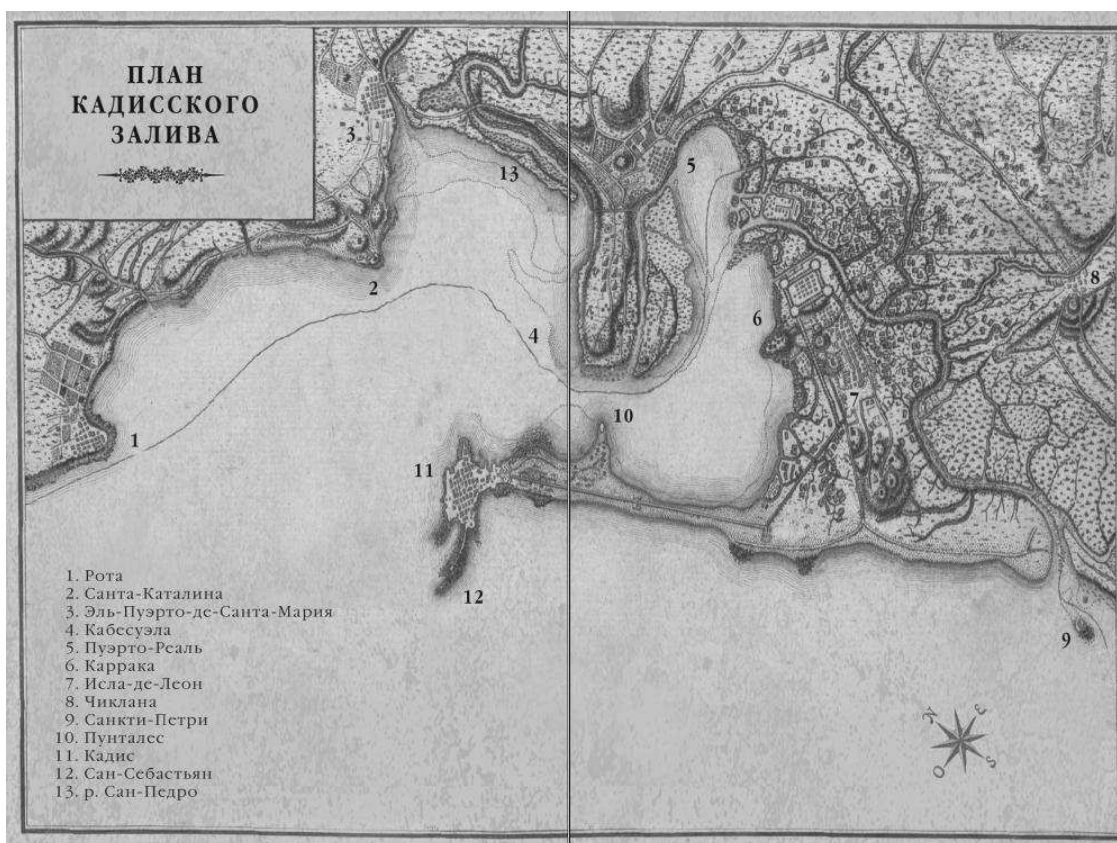
Arturo Pérez-Reverte

EL ASEDIO

Copyright © 2010 by Arturo Pérez-Reverte

© Богдановский А., перевод на русский язык, 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2012

1

На шестнадцатом ударе привязанный к столу человек лишился чувств. Кожа на лице стала изжелта-прозрачной, голова свесилась бессильно. Свет масляной лампы со стены обозначил дорожки слез на грязных щеках, кровавую прерывистую струйку из носа. Палач на секунду замер в нерешительности, одной рукой держа кнут, а другой обирая с бровей капли пота, от которого уже насквозь вымокла его рубаша. Потом повернулся к человеку, стоявшему позади, у дверей, поднял на него виноватые собачьи глаза. Он и сам похож на сторожевого пса – крупного, хорошей злобности, но туповатого.

Человек в дверях дважды пыхнул сигарой – и раскаленный уголек разгорелся ярче, бросил красноватый отблеск на темный очерк лица.

– Опять не тот... – говорит он.

И про себя добавляет: «Свой предел всему положен». Но вслух не произносит ничего, рассудив, что все равно без толку – не в коня корм. Да, у каждого свой порог, своя точка слома, надо только знать, где она, и уметь подвести к ней. Тонкий нюанс. Угадай, когда остановиться и как. Бросишь на весы на гран больше нужного – и все к черту пошло. Псу под хвост. Зря старались. Только время потеряли. Выпалили вслепую, а настоящую цель, наверно, уже упустили. Пустые хлопоты, даром пролитый пот: этот остолоп с кнутом по-прежнему утирает его с бровей, чутко ожидая, прикажут продолжать или нет.

– Дохлый номер.

Агент глядит оторопело, непонимающе. Его зовут Кадальсо¹. Отличное имя для человека его ремесла. Человек с сигарой в зубах отделился от дверного косяка, подошел к столу, склонился над обеспамятевшим, взгляделся – недельная щетина, короста грязи на шее, на руках и на спине, меж вспухших лиловатых рубцов. Три – явно лишние. Может, четыре. На двенадцатом ударе все стало ясно, однако следовало все же убедиться непреложно. Впрочем, в любом случае жалоб и нареканий не последует. Нищий как нищий, бродяга с перешейка. Один из того многочисленного отребья, которое войной и осадой занесло в город, как прибоем выносит на песок всякую дрянь.

– Это не он.

Кадальсо моргал, силясь уразуметь. Казалось, было видно, как новое сведение медленно пробирается по чашебам его дремучих мозгов.

– Если позволите, я бы мог...

– Сказано же тебе, болван, – это не он!

И все же, приблизившись совсем вплотную, оглядел арестанта еще раз, внимательно. Полуоткрытые глаза застыли, остекленели. Но жив. Чего-чего, а трупов Рохелио Тисон навиделся во множестве, живого от покойника как-нибудь да отличит. Бродяга дышит, хоть и слабо, и на шее, набухнув от того, что голова свесилась, медленно бьется жилка. Склонясь еще ниже, комиссар принялся: заглушая вонь немытого тела, витает парной кислотный запах – обмочился под ударами. И еще – ледяной испарины, что пробирает человека в минуты страха: ее, стынущую сейчас на меловом обморочном лице, никогда не спутаешь со звериным смрадом, которым несет от взопревшего человека с бичом. Тисон, брезгливо сморщившись, попытался сигарой, обволокся целым облаком густого дыма, втянул его в ноздри, чтобы заглушить зловоние.

– Очнется – дашь ему какой-нибудь мелочи, – сказал он уже от двери. – И предупреди, чтоб не болтал: вздумает жаловаться – пусть пеняет на себя. Так дешево не отделается, освежуем, как кролика.

¹ Одно из значений слова *cadalso* – плаха, эшафот (исп.).

Бросил окурок на пол, придавил носком сапога. Взял со стула круглую шляпу с невысокой тульей, трость, серый редингот и, толкнув дверь, вышел наружу, на залитый ослепительным светом берег, вдоль которого в отдалении, за Пуэрта-де-Тьерра, распластался Кадис, белый, как паруса корабля, идущего под вынесенными далеко в море крепостными стенами.

Жужжат мухи. В этом году рано слетелись, на мертвечину. Тело лежит на прежнем месте, по ту сторону дюны, на гребне которой *левантинец* взвихривает песок. Стоя на коленях, меж разведенных бедер убитой возится всему свету известная тетка Перехиль, местная повитуха, а в молодые годы – проститутка из квартала Мерсед, давняя и надежная осведомительница комиссара, за которой он давеча посылал в город. Тисон больше доверяет ей и собственному природному чутью, чем безграмотному, продажному, вечно пьяному коновалу, которого полиции положено привлекать себе в помощь в подобных делах. А их за последние три месяца было уже два. Или четыре, если считать трактирщицу, зарезанную мужем, и хозяйку пансиона, которую из ревности убил студент-постоялец. Только зачем же их считать: это дела совсем другого рода, ясные с самого начала бытовые преступления, совершенные, что называется, в состоянии умоисступления, когда человек себя не помнит. Не то с этими девушками. Совсем другая история. Особенная. Ни на что не похожая и довольно жуткая.

– Нет, – говорит тетушка Перехиль, по нависшей тени догадавшись, что у нее за спиной появился Тисон. – Нетронутая. Чиста и непорочна, какой мама родила.

Комиссар вглядывается в лицо погибшей – кляп во рту, спутанные, растрепанные волосы забиты песком. На вид лет четырнадцать или пятнадцать, тощеватая, худосочная. На утреннем солнцепеке кожа почернела и уже немного вздулась, но это сущие пустяки по сравнению с тем, что представляет собой ее спина, рассеченная кнутом до костей – вон они белеют меж сгустков запекшейся крови и волокон разорванных мышц.

– В точности как в прошлый раз, – заметила Перехиль.

Она одернула на убитой задранную юбку и поднялась, отряхивая налипший песок. Потом подобрала валяющуюся рядом шаль, накрыла истерзанную спину, согнав целый рой обсевших ее мух. Шалька – из тонкой и редкой шерстяной ткани, дешевенькая, как и вся прочая одежда девушки, которую, кстати, уже опознали: это служанка с постоянного двора, что на полпути от Пуэрта-де-Тьерра к Кортадуре. Вчера днем еще засветло вышла оттуда и направилась в город – проведать больную мать.

– А что ваш бродяга, сеньор комиссар?

В ответ Тисон только пожимает плечами. Тетушка Перехиль – крупная, рослая, мужеподобная, на славу вытрепана не столько числом прожитых лет, сколько тяжелой жизнью. Зубы во рту наперечет. Полуседые корни крашенных сальных волос, выбившихся из-под черной косынки. Целая гирлянда ладанок и медальонов на шее, длинные четки на поясе.

– Опять не то?.. А орал так, будто это он был.

Под суровым взглядом комиссара она осеклась, отвела глаза.

– Помалкивай, а? Пока сама не заорала.

Повитуха уже сообразила, что лучше прикусить язык: слишком давно уж она знакома с Тисоном, чтобы не понимать, когда он не склонен откровенничать. Вот как сейчас, к примеру.

– Извиняйте, дон Рохелио. Это я так, в шутку...

– С мамашей своей шутить будешь, когда в аду свидитесь. – Тисон двумя пальцами выудил из жилетного кармана серебряный дуро² и швырнул его повитухе. – Проваливай.

Комиссар в бессчетный раз за сегодняшний день огляделся по сторонам. Ветер давно уже занес песком следы, оставленные накануне. А с чем не справился ветер, затоптали люди: с той минуты, как погонщик мулов обнаружил труп и дал знать на ближайшую венту, народу

² Монета достоинством пять песет, или двадцать реалов.

здесь перебивала уйма. Тисон довольно долго сидел в неподвижности, тщательно перебирая в голове, не укрылось ли что от его внимания, но наконец сдался и махнул рукой. И все же, углядев широкую борозду на одном из склонов дюны, поросшем низким кустарником, поднялся, подошел поближе и вот теперь сидит перед ней на корточках, разглядывая вблизи. На миг возникает ощущение, что это все уже было с ним, что он уже видел однажды, как сидит здесь, всматривается в следы на песке. Голова тем не менее отказывается отчетливо воспроизводить это воспоминание. Может быть, это всего лишь один из тех редких снов, которые по пробуждении кажутся неотличимыми от действительности, или еще какая-то невесть откуда взявшаяся и необъяснимая уверенность, что происходящее с тобой сейчас уже происходило когда-то. Так или иначе, но комиссар выпрямляется, не придя ни к какому определенному выводу – ни по поводу своих ощущений, ни относительно этого следа: такую борозду мог оставить ветер или животное. Но могли, конечно, и те, кто волок тело по песку.

Когда на обратном пути он поравнялся с трупом, ветер, гонявший песок по гребню дюны, взметнул юбку, открыл ногу до самого колена. Тисон к сантиментам не склонен. Суровое ремесло в сочетании с угловатым и неподатливым характером давно уже приучили его видеть в мертвом теле всего лишь кусок мяса, гниющий что на солнце, что в тени. Не более чем объект расследования, сулящего неизбежную мороку, бумажную канитель, выволочки от начальства. И вид трупа давно уж не смущает душевный покой комиссара Рохелио Тисона Пеньяско, который из пятидесяти трех лет, прожитых на свете, тридцать два года несет полицейскую службу, мотаясь по улицам, как старый бродячий пес. Но на этот раз даже он, человек загрубелый, ко всему привычный, не смог перебороть какую-то смутную неловкость. И потому кончиком трости вернул подол на место и присыпал сверху пригоршней песку, чтобы снова не задрался. И тут вдруг заметил, как блеснул под ногами наполовину втоптаный в песок металлический предмет, по форме похожий на штопор. Наклонился, подобрал его, взвесил на ладони и убедился, что это осколок французской бомбы. Их при разрыве разносит во все стороны. Ими засыпан весь Кадис. А этот, без сомнения, прилетел сюда с венты Хромого, из патио, куда совсем недавно угодила одна такая.

Отшвырнув осколок, комиссар зашагал к выбеленной стене венты, на почтительном расстоянии от которой удерживали кучку любопытствующих двое солдат и капрал, по просьбе Тисона еще утром присланные сюда караульным начальником из Сан-Хосе: пара военных мундиров сумеет внушить больше уважения зевакам. Вот они толпятся – лакеи и горничные из окрестных гостиниц, погонщики мулов, кучера шарабанов и почтовых карет вместе со своими пассажирами, какой-то рыбак, местные женщины и ребяташки. Впереди – сам Пако Хромой, напыжась в сознании двойного превосходства над всеми, ибо и заведение это принадлежит ему, и о том, что обнаружен труп девушки, власти оповестил тоже он.

– Говорят, будто не того схватили, – обратился хозяин к подошедшему Тисону.

– Правильно говорят.

Нищий давно уже бродил по округе, так что хозяева постоянных дворов дружно указали на него, едва лишь нашли убитую. Пако Хромой самолично выпалил по нему из охотничьего ружья, задержал до прихода полиции да еще и не допустил расправы – нищий получил лишь несколько оплеух и зуботычин. Горькое разочарование читается теперь на лицах у всех, а пуще всего – на лицах мальчишек: не в кого больше швырять камнями, которые понапрасну оттягивают им карманы.

– Это точно, сеньор комиссар?

Тисон, не снизойдя до ответа, в задумчивости разглядывает стену там, куда угодила французская бомба.

– Скажи-ка мне, дружок, когда это произошло?

Пако – большие пальцы за кушаком – стоит с ним рядом, всем своим видом являя почтение и предупредительность. Он давно знаком с комиссаром и знает, что обращение

«дружок» ничего не значит, а прозвучи оно в ответ из собственных его уст – беды не оберешься. Надо сказать, кстати, что хромотой страдал не он, а дед его, но в Кадисе клички переходят по наследству верней, чем деньги. И клички, и профессии. У Хромого – славное прошлое моряка и контрабандиста, о чем известно всем, не исключая и Тисона. Комиссар знает, что подвал венты битком набит товарами с Гибралтара и что по ночам, когда море спокойно, а ветер умеренный, прибрежный пейзаж оживляют силуэты баркасов и быстрые тени, снующие взад-вперед с тюками и ящиками. Порою грузят даже скотину. Впрочем, пока Хромой будет исправно и сколько положено платить таможенным, военным и полицейским – опять же не исключая Тисона – за то, чтоб смотрели в другую сторону, все, что происходит на этом берегу, никому не доставит неприятностей. Совсем другое будет дело, если Пако начнет мудрить, занесется, пренебрежет своими обязательствами или по примеру кое-кого в городе и за пределами его начнет возить контрабанду неприятелю. Но не пойман – не вор. И в конце концов, война войной, осада осадой, но от замка Сан-Себастьян до моста Суасо по-прежнему действует старинное правило: живи и жить давай другим. Это касается и французов, которые уже довольно давно ослабили натиск и ограничиваются тем лишь, что постреливают издали, как бы по обязанности.

– Вчера утром, часов около восьми, – отвечает Пако, указывая на восточную часть бухты. – Палили вроде бы оттуда, с батареи на Кабесуэле. Жена как раз белье развешивала, увидела вспышку. Потом грохнуло, а чуточку погода рвануло вон там.

– Ущерб велик?

– Да нет, какой там ущерб: кусок стены разнесло, в птичник попало, нескольких кур убило... Но перепугались сильно, что говорить. Жена так и сомлела. Шагов бы на тридцать поближе – и быть мне вдовцом.

Тисон, ковыряя ногтем в зубах – в левом углу рта посверкивала золотая коронка, – смотрел меж тем на полоску воды шириной в этом месте примерно в милю: от занятого французами материка она отделяет перешеек, который вместе с городом Кадисом образует полуостров, одним боком обращенный к побережью Атлантики, а другим – к бухте, к порту и к плавням Исла-де-Леона.

Задувавший левантинец делал воздух прозрачным и чистым, и можно было невооруженным глазом рассмотреть неприятельские укрепления на мысе Трокадеро: справа – Форт-Луис, слева – полуразрушенные стены Матагорды, а несколько выше и позади – батарею Кабесуэлы.

– А еще бомбы долетали оттуда?

Хромой покачал головой. Показал на перешеек, тянувшийся по обе стороны от его венты:

– Рвались вон там, возле Агуады, а особенно много – в Пунталесе: падает день и ночь, тамошние боятся нос высунуть, живут, как кроты... А здесь – впервые.

Тисон рассеянно кивает. И продолжает глядываться в позиции французов сощуренными глазами, потому что солнце, отблескивая на белой стене, на морской глади и на дюнах, слепит нещадно. Он прикидывает траекторию и сравнивает ее с другими. Как это его раньше не осенило? Впрочем, в военном деле, а тем паче – в баллистике, он разбирается слабо да и не убежден, что догадка его верна. Наитие, смутное прозрение. Особого рода беспокойство, ни на что не похожая тревога, которая перемешивается с уверенностью в том, что так ли, иначе, но все это он уже проживал когда-то. Словно бы на игровой доске города кто-то сделал ход, а Тисон этого вовремя не заметил. Две пешки, считая сегодняшнюю. Две съеденные пешки. Две девушки.

Да, тут может быть взаимосвязь, заключает он. Ему самому, бывало, случалось за столиком кофейни Коррео придумывать еще и не такие комбинации. Придумывать, а потом или сразу воплощать их, или исподволь подводить к ним противника. Молниеносные озарения.

Внезапная вспышка постижения. Неторопливое перемещение фигур, безмятежное спокойствие дебюта, и вот – после неожиданного хода конем, слоном или даже пешкой – возникает Угроза во всей ее Очевидности, и у подножия дюны ветер заносит песком труп. И, осеняя все это черной тенью, сверху парит смутное воспоминание о чем-то уже однажды виденном или пережитом, и перед глазами у тебя – ты сам: будто уже стоял когда-то на коленях перед оставленными следами и раздумывал над ними. Ах, если бы только удалось вспомнить, сказал себе Тисон, этого было бы довольно. Неожиданно он понял, что надо немедленно, безотлагательно вновь выйти за городские стены и провести розыск. Рокироваться, не прекращая размышлений. Но сначала вернуться, ни слова не говоря, к телу девушки, нашарить в песке закрученный спиралью металлический осколок и спрятать его в карман.

В это самое время в трех четвертях лиги³ к востоку от венты Хромого небритый и заспанный капитан Симон Дефоссё, прикомандированный к штабу артиллерии 2-й дивизии Первого корпуса императорской армии, чертыхаясь сквозь зубы, пронумеровал и подшил к делу письмо, только что доставленное с Севильского литейного двора. Полковник Фроншар, начальник заводской военной инспекции, сообщает, что установлена причина дефектов, обнаруженных в трех 9-дюймовых гаубицах, которые предназначены для войск, осаждающих Кадис. И причина эта – саботаж: была умышленно нарушена технология литья, отчего и возникло то, что на языке металлургов называется раковиной. Стволы дают трещины уже после первых выстрелов. Четыре дня назад, как только Фроншар установил, в чем дело, двоих рабочих и мастера – все трое испанцы – расстреляли, но капитану Дефоссё от этого не легче. На пушки, ныне признанные негодными, он возлагал немалые надежды. И не только возлагал, но и разделял их с маршалом Виктором и другим начальством, которое наверняка будет по-прежнему требовать, чтобы он решил задачу – а задача эта ему теперь не по плечу.

– Капрал!

– Я!

– Передайте лейтенанту Бертольди – я буду наверху, на вышке.

Откинув старое одеяло, заменяющее дверь, капитан вышел наружу, забрался по приставной деревянной лестнице на самый верх наблюдательной вышки и устроился через бойницу на далекий город. Он стоял под солнцем с непокрытой головой, заложив руки за спину, под фалды мундира – темно-синего, с красными отворотами и обшлагами. Совсем не случайно наблюдательный пункт, оборудованный несколькими мощными подзорными трубами и современным микрометром Рошона с двойной окулярной призмой из горного хрусталя, находится именно здесь, на небольшом возвышении между артиллерийским фортом в Кабесуэле и батареей в Трокадеро. Капитан лично выбрал его после тщательного изучения местности. Отсюда – как на ладони весь Кадис и бухта до самого Исла-де-Леона, а в трубу можно разглядеть и мост Суасо, и Чикланскую дорогу. В определенном смысле это его владения. Теоретически, по крайней мере: земли и воды отданы под его юрисдикцию по прихоти богов войны и приказу императора. И на этом пространстве коса маршальской власти может порой наткнуться на камень его воли. На поле этой брани не сидят в окопах, не совершают контрмаршей и обходных маневров, не бросаются в штыковые атаки – здесь воюют расчетами, сделанными на клочках бумаги, параболами, траекториями, углами и математическими формулами. А еще один из многих парадоксов сложной войны, которая идет в Испании, заключается в том, что здесь, в кадисской бухте, неизвестному артиллерийскому капитану поручено вести эту совершенно особенную битву, где процентное соотно-

³ Лига – мера длины, равная 5572,7 м.

шение компонентов в одном фунте порохового заряда или скорость воспламенения стопина⁴ значат больше, чем отвага десяти полков.

С суши противник неуязвим. Насколько известно Симону Дефоссё, никто пока что не осмелился сказать об этом императору прямо и открыто, однако дело обстоит именно так. Город соединен с материком лишь узкой перемычкой из песка и камня, протянувшейся почти на две лиги. Мало того, защитники Кадиса перекрыли этот единственный путь несколькими оборонительными сооружениями, перегородили его артиллерийскими батареями, толково расположили на флангах опорные пункты в дополнение к двум мощным фортам – в Пуэрта-де-Тьерра, где и начинается собственно город и где сейчас сосредоточено полтора ста орудий, и в расположенной посреди перешейка Кортадуре, где работы еще идут полным ходом. В самой точке примыкания к матерiku находится Исла-де-Леон, защищенный соляными копиями и каналами. К этому следует прибавить еще британские и испанские военные корабли на рейде и маломерные канонерские лодки, курсирующие вдоль побережья и в узких каналах. Короче говоря, для противодействия французам сосредоточены такие силы и средства, что атака с суши была бы для Бонапартовых войск чистейшим самоубийством, отчего они и ограничиваются позиционной войной по всей линии фронта и ждут – то ли благоприятного момента, то ли изменения ситуации на Полуострове в целом. Тем временем отдан приказ держать Кадис в плотной осаде, усиливая бомбардировки военных и гражданских объектов, причем те, кто приказ этот отдал – французское командование и правительство короля Жозефа, – иллюзий насчет действенности избранной ими тактики, надо сказать, не питают. Блокировать Кадис с моря невозможно, и, значит, главные ворота – порт – остаются открыты. Французские артиллеристы бессильны помешать проходу кораблей под разными флагами, и город продолжает торговать не только с мятежными испанскими провинциями, а и с целым светом, отчего возникает печальное противоречие: осажденные снабжаются лучше, нежели осаждающие.

Впрочем, для капитана Дефоссё все это если не безразлично, то, скажем так, особого значения не имеет. Чем кончится осада Кадиса, как вообще пойдут дальше боевые действия в Испании – все это на душевных его весах не перетянет самого дела, которым он тут занят. Дела, которое требует целиком всех его дарований вкупе с воображением. Симон Дефоссё на военной службе сравнительно недавно – прежде он преподавал физику в артиллерийской школе в Меце – и теперь, сменив партикулярное платье на капитанский мундир, видит свое предназначение в том, чтобы применить на практике науку, которой посвятил всю жизнь. Мое оружие, любит повторять он, – таблицы поправок, мой порох – тригонометрия. И город, и прилегающее к нему пространство – не военный объект, но техническая задача. Вслух капитан этого, разумеется, не говорит, ибо за такие слова недолго и под трибунал, но мыслит именно в этом ключе. Лично он, капитан Дефоссё, ведет войну не со взбунтовавшимися испанцами, но – с баллистическими проблемами, и враги для него – не мятежники, но препоны, чинимые ему законом всемирного тяготения, силой трения, упругостью текучей среды, температурой воздуха, начальной скоростью перемещаемого в пространстве предмета – в данном случае бомбы – и параболической траекторией, по которой летит он, прежде чем попасть – или не попасть – в требуемую точку. Дня два назад, во исполнение – до крайности неохотное – приказа, которые, как известно, не обсуждают, он объяснял все это француско-испанской комиссии, явившейся из Мадрида проверить, как организована осада.

Он и сейчас улыбается не без злорадства, вспоминая их визит. Комиссию, которая прибыла в гражданских экипажах из Пуэрто-де-Санта-Мария, сильно растрясло по дороге, протянувшейся вдоль реки Сан-Педро: четверо испанцев и двое французов устали, проголодались, мечтали поскорее отделаться от своего поручения и опасались, как бы противник в

⁴ Род фитиля, хлопковая пряда, пропитанная порохом или селитрой.

качестве «добро пожаловать!» не приветствовал их орудийным выстрелом из форта Пунта-лес. Выгрузились из экипажей, стали отряхивать от пыли свои треуголки, шляпы, сюртуки, боязливо озираясь по сторонам и стараясь – без особенного, впрочем, успеха – сохранять бестрепетную невозмутимость. Испанцы занимали какие-то посты в правительстве короля Жозефа; что же до французов, то один был не слишком важной шишкой при дворе, а второй, по фамилии Орсини, – эскадронный командир и адъютант маршала Виктора – выступал в роли гида. Он-то и попросил вкратце обрисовать положение. С тем, чтобы эти господа сами осознали, сколь важна роль артиллерии при осаде, и могли бы доложить в Мадриде, что для успеха дела ни в коем случае не следует торопиться. «Ки ва пьяно, ва лонтано. – Орсини был корсиканец и большой балагур. – Ки ва форте, ва а ла морте»⁵. И тому прочее. Симон Дефоссё, получив такое предложение, ухватился за него. Проблема в том, господа, начал объяснения проснувшийся в нем преподаватель физики, что брошенный, предположим, камень, если бы на него не действовал закон всемирного тяготения, полетел бы по прямой. Однако закон действует. И потому, когда газы, образующиеся при воспламенении порохового заряда, выталкивают из орудийного ствола снаряд, он летит по криволинейной траектории – по параболе, образуемой горизонтальным движением с постоянной скоростью, сообщенной ему в момент первоначального ускорения, и движением вертикальным, то есть свободным падением, скорость которого прямо пропорциональна времени пребывания в воздухе. Дефоссё спросил, следят ли за его мыслью, хоть и было очевидно, что следить-то следят, но понимают ее с большим трудом, а когда увидел, что члены комиссии закивали, решил прибавить жару. Ибо проблема, господа, в том, что камень надо пустить с такой силой, чтобы дальность полета была максимальной, а время, в течение которого этот камень будет находиться в воздухе, – минимальным. Но хочу обратить ваше внимание, господа, на то обстоятельство, что мы-то бросаем не камень, но бомбу с зажженным фитилем, рассчитанную на определенный срок горения, по истечении которого и вне зависимости от того, достигнута цель или нет, происходит разрыв. Помимо этих сложностей существует еще сопротивление воздуха, отклонение из-за ветра, вертикальные оси, закон свободного падения и еще многое другое... Он вновь осведомился, следят ли за его мыслью, и с удовлетворением убедился, что никто уже ни за чем не следит.

– Ну вот, теперь вы в курсе дела, а дело обстоит примерно так.

– Но мы хотим понять: попадают бомбы в Кадис или нет? – осведомился один из испанцев, выражая общие чаяния.

– Вот этим-то мы как раз и заняты, господа, – сказал капитан, скосив глаз на Орсини, который смотрел на извлеченные из жилетного кармана часы. – Эту задачу мы и стараемся решить в меру наших скудных сил.

И сейчас, прикинув к визирю микрометра, капитан артиллерии разглядывает стены Кадиса, сверкающего белизной посреди сине-зеленых вод бухты. «Как красавица, что манит близостью и дразнит недоступностью», – сказал бы на его месте человек, склонный, в отличие от Симона Дефоссё, к поэтическим красотам. На самом деле французские бомбы хоть и достигают неприятельских позиций и самого Кадиса, но – уже на излете и довольно часто даже не разрываются. Ни теоретические выкладки капитана, ни усердие и грамотность многоопытных императорских канониров покуда не смогли послать бомбу дальше, чем на 2250 туазов⁶, то есть ровно до восточной крепостной стены и примыкающего к ней квартала. И увеличить дистанцию выстрела не удастся никакими силами. Помимо того, большая часть бомб не взрывается: за двадцать пять секунд, проходящих от выстрела до предполагаемого

⁵ Chi va piano, va lontano, chi va forte, va a la morte (ит.) – Тише едешь – дальше будешь, быстро едешь – к смерти прибудешь.

⁶ Туаз – старинная французская мера длины: шесть футов, около двух метров.

разрыва, запал гаснет. И ускользающее техническое решение не дает Дефоссё покоя, лишает сна, заставляет ночами напролет при свечке корпеть над расчетами, а днем вязнуть в кошмаре логарифмов, исполняя греющий душу замысел – создать такую бомбу, чтобы запал ее горел дольше сорока пяти секунд, а она сама летела на 3000 туазов. На стену, рядом с картами, диаграммами, таблицами поправок, листками расчетов, капитан прикрепил план Кадиса, где красными точками отмечены места разрывов, а черными – те, куда бомбы упали бесполезными чугунными шарами. И красных кружочков прискорбно мало, не говоря уж о том, что находятся они все, как, впрочем, и черные, исключительно в восточной части Кадиса.

– Жду ваших распоряжений, мой капитан.

Это на площадке наблюдательного пункта появился лейтенант Бертольди. Капитан, который смотрел в визир и подкручивал медное колесико, замеряя высоту колоколен Кармен и дистанцию до них, переводит взгляд на своего субалтерна.

– Неприятные вести из Севильи... При отливке девятидюймовых мортир кто-то добавлял в формы олова.

Бертольди морщит нос. Это маленький толстенький итальянец с белокурыми бачками, обрамляющими чрезвычайно живое и веселое лицо. Уроженец Пьемонта, пятый год на службе в артиллерии императора Наполеона. В войсках, которые осаждают Кадис, звучит не только французская речь: здесь итальянцы, поляки, немцы, не говоря уж о вспомогательных частях, набранных из испанцев, присягнувших королю Жозефу.

– Случайность или саботаж?

– Полковник Фроншар пишет – саботаж. Но вы ведь знаете его... Мне, по правде говоря, не верится.

От беглой улыбки, промелькнувшей по лицу Бертольди, оно становится по-юношески милым. Симон Дефоссё привязан к своему помощнику, хоть тот и увлекается чрезмерно хересом и припортовыми *сеньоритами*. Они служат вместе уже год с тех пор, как после байленской⁷ катастрофы пересекли Пиренеи. Порою, когда Бертольди перебирает лишнего, он даже сбивается по рассеянности на дружеское «ты», и капитан не взыскивает с него за это.

– Да и мне тоже. Испанского содиректора литейного двора полковника Санчеса близко не подпускают к печам. За всем следит лично Фроншар.

– Тем не менее он поторопился снять с себя ответственность. В понедельник приказал расстрелять троих рабочих.

Бертольди, улыбаясь еще шире, делает такое движение, словно что-то отбрасывает от себя:

– Концы в воду.

– Именно так, – едко соглашается Дефоссё. – А мы остались без мортир.

– Полегче, полегче! У нас еще есть «Фанфан», – воздев указательный палец, говорит Бертольди.

– Есть. Но этого недостаточно.

Капитан во время этого диалога смотрит через боковую бойницу на ближний редут, защищенный от неприятельского огня турами и мешками с землей: там, вознеся жерло к небу под углом в 45 градусов, стоит укрытый парусиновым чехлом огромный бронзовый цилиндр, фамильярно называемый «Фанфан». Этим именем Бертольди окрестил, окропив мансанилей, опытный образец 10-дюймовой гаубицы Вильянтруа-Рюти, способной доставлять 80-фунтовые бомбы к восточным стенам Кадиса, но пока – ни на туаз дальше. Да и то – при благоприятном ветре. А если встречный – ядра только рыбу в бухте распугивают.

⁷ 16 июля 1808 г. в Андухаре (близ Байлена) произошла битва между испанскими и французскими войсками. 22 июля французы вынуждены были подписать акт о капитуляции.

Все расчеты, проведенные на испытаниях «Фанфана», должны быть учтены при отливке mortir в Севилье. Но убедиться в этом сейчас – по крайней мере, в течение известного времени – нет никакой возможности.

– Будем уповать на него, – покорствуя судьбе, говорит Бертольди.

– Да я уповаю, – качает головой Дефоссё. – Но «Фанфан» имеет свой предел. Да и я тоже.

Дефоссё, встретившись с ним взглядом, знает: лейтенант рассматривает его осунувшееся лицо, синяки под глазами. Густая щетина на подбородке тоже, надо полагать, мало способствует бравому виду.

– Вам бы надо побольше спать.

– А вам, – смягчая свой суровый тон, Дефоссё усмехается, как сообщник, – поменьше пить. И ревностней исполнять свои прямые обязанности.

– Да-да, мой капитан, я понимаю... Собираетесь сказать, что нездоровым, а честь собачиться с полковником Фроншаром предоставите мне... Только заявляю вам наперед – я лучше перебегу к неприятелю. То есть переплыву. Тем более что в Кадисе житье посытнее, чем у нас.

– А я тебя расстреляю, Бертольди. Своей рукой. И потом еще на могилке спляшу.

В глубине души Дефоссё знает, что севильская неудача не сильно меняет дело. За время, проведенное под стенами Кадиса, капитан успел убедиться: особые условия осады не позволяют должным образом использовать ни полевые орудия, ни гаубицы. Изучив схожие случаи – вот, например, осаду Гибралтара в 1782 году, – он принялся горячо ратовать за введение самых крупных калибров, то есть за применение mortir, но никто из начальства этой идеей не проникся. А тот единственный человек, которого ему удалось склонить на свою сторону, – командующий артиллерией генерал Александр Юро, барон де Сенармон, – поддержать его уже не может. Отличившийся в сражениях при Маренго, Фридланде и Сомосьерре генерал был чересчур самоуверен, испанцев – не отличаясь, впрочем, в этом отношении от всех французов – иначе как *шпаной* не называл и в грош не ставил. Это его и погубило: inspectируя батарею Вильятте, расположенную со стороны Чикланы напротив Исладе-Леона, он пожелал лично опробовать новые лафеты. Появившись на редуте в сопровождении полковника Дежермона, батарейного командира капитана Пиндонелля и Дефоссё, он приказал всем шести орудиям начать обстрел испанских позиций в Гальинерасе, а на возражения Пиндонелля, принявшегося доказывать, что неприятель в этом месте хорошо укрепился, пристрелялся и немедля даст ответный залп, – снял шляпу и заявил, что именно ею поймает каждую гранату, что прилетит с той стороны.

– Так что отставить пререкания и открыть огонь.

Пиндонеллю ничего не оставалось, как подчиниться и отдать команду. И очень скоро выяснилось, что генерал Юро, пусть и всего на несколько дюймов, ошибся в своих расчетах со шляпой: первая же испанская бомба, разорвавшись как раз между ним, Пиндонеллем и Дежермоном, положила всех троих на месте. Дефоссё спасся чудом и потому лишь, что по малой нужде отошел в сторонку, за туры с землей – они-то и приняли на себя осколки. Вместе с бароном де Сенармоном, как и остальные, преданным земле возле скита Санта-Ана, похоронена оказалась и надежда капитана Дефоссё на применение под Кадисом тяжелых mortir. Впрочем, одно то, что он имеет возможность горевать об этом, должно служить ему утешением – и немалым.

– Голубь, – сказал Бертольди.

Дефоссё повел глазами по небу в том направлении, куда показывал его помощник. Да, так и есть. Со стороны Кадиса по прямой летел голубь: вот он пересек бухту, прошел высоко над неприметной голубятней, стоявшей возле казармы артиллеристов, и скрылся где-то за Пуэрто-Реалем.

– Не наш.

Офицеры переглянулись, и лейтенант с понимающей улыбкой тотчас отвел глаза. Бертольди – единственный, с кем Дефоссё делится профессиональными секретами. И один из них – в том, что без почтовых голубей невозможно было бы ставить на плане Кадиса черные и красные кружочки.

Корабли на картинах по стенам, корабли в стеклянных витринах – целый флот, кажется, собрался в сумраке маленького, обставленного красным деревом кабинета вокруг женщины, которая пишет за своим рабочим столом в прямоугольном пятне света – узкий солнечный луч проникает сквозь неплотно задернутые шторы. Женщину зовут Лолита Пальма, ей тридцать два года – к этому возрасту любая мало-мальски здравомыслящая жительница Кадиса уже расстается со всякой надеждой выйти замуж. Так или иначе, но брак уже довольно давно не владеет ее помыслами целиком – да и частично тоже. Занимает ее совсем иное. Например, в котором часу начнется прилив. Или где сейчас рыщет французский корсар, уже не раз замеченный между Ротой и бухтой Санлукар. То и другое связано с прибытием долгожданного корабля, за которым стоящий на террасе доверенный слуга наблюдает в телескоп с той минуты, как с башни Тавира оповестили, что некое судно приближается с запада на всех парусах и в двух милях к югу от Роты разворачивается для входа в бухту. Дай бог, чтобы это оказался «Марк Брут» и эта 280-тонная четырехпушечная бригаantina с грузом кофе, какао, кошенили и прочего товара на общую сумму 15 300 песо вернулась наконец, пусть и с двухнедельным опозданием, из Веракруса и Гаваны и была вычеркнута из особой, лишаящей арматоров сна и покоя ведомости, где все торговые суда, приписанные к порту Кадиса и не прибывшие к сроку, значатся в одном из четырех ее разрядов: «запаздывает», «сведений не имеется», «пропал без вести», «затонул». Иногда запись в одной из последних двух граф сопровождается комментарием окончательным и беспощадным: «со всем экипажем».

Лолита Пальма, склонившись над листом почтовой бумаги, пишет письмо по-английски, иногда останавливаясь и сверяясь с цифрами, значащимися на той или иной странице толстого справочника валют, мер и весов, что лежит на столе рядом с чернильницей, остро очиненными перьями в серебряном стаканчике, песочницей, палочкой сургуча. Кожанный, еще отцовский бювар украшен монограммой «ТП» – Томас Пальма, а сверху листа стоит фирменный гриф «Компании Пальма и сыновья», основанной и зарегистрированной еще в 1754 году. Письмо будет отправлено в Североамериканские Штаты и сообщит о перебоях с поставками – 1210 фанег⁸ муки, отправленные из Балтимора в трюмах шхуны «Нуэва Соледад», прибыли в Кадис лишь неделю назад, то есть с полуторамесячной задержкой. Мука, перегруженная на другие суда, сейчас уже плывет к берегам Валенсии и Мурсии, где из-за нехватки продовольствия будет на вес золота.

Среди кораблей, что украшают кабинет, нет безымянных, и Лолита Пальма знает их все: одни – проданные, разобранные или затонувшие задолго до ее рождения – только понаслышке; на палубу других она поднималась еще девочкой вместе с братьями, видела, как, распустив паруса, они входили в бухту или отправлялись в плаванье, слышала, как в семейных разговорах беспрестанно упоминались их звучные, иногда загадочные названия – «Бирроньо», «Белла Мерседес», «Амор де Дьос»: этот запаздывает прибытием, того сильно потрепало штормом, третий между Азорами и Сан-Висенте нарвался на корсаров. И все это сопровождалось перечислением портов и товаров: медь из Веракруса, табак из Филадельфии, кожи из Монтевидео, хлопок из Ла-Гуайры... Диковинные имена заморских стран и далеких городов были так же привычны в этом доме, как названия кадисских улиц, соборов

⁸ Фанега – мера сыпучих тел, неодинаковая в различных областях Испании; в Кастилии равна 55,5 л.